

Гудкова Светлана Петровна, Шаронова Елена Александровна

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА С. ЗАВЬЯЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА "СОВЕТСКИЕ КАНТАТЫ")

В статье рассматриваются художественные особенности поэзии С. Завьялова. На материале поэм, вошедших в сборник "Советские кантаты" (2015), делается вывод о способах и приемах репрезентации авторского видения российской истории начала XX века, специфике полифонизма сборника. Изучая особенности воплощения темы трагического существования человека в условиях тоталитаризма, авторы статьи приходят к выводу об особом отношении современного поэта к советской идеологии и ее влиянии на сознание масс.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 19-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1969. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 532 с.; Т. 3. 558 с.; Т. 4. 481 с.
2. Музей-заповедник Тарханы / под ред. Т. М. Мельниковой. Саратов: Приволжское издательство, 1990. 110 с.
3. Фролов П. А. Лермонтовские Тарханы. Старый Оскол: Тонкие наукоемкие технологии, 2002. 239 с.
4. Щеголев П. Е. Лермонтов: воспоминания, письма, дневники. М.: Аграф, 1999. 526 с.
5. 顾蕴璞. 莱蒙托夫. 华夏出版社, 2002年5月北京第1版 (Гу Уюньпу. Лермонтов. Пекин: Хуася, 2002. 204 с.).
6. 顾蕴璞. 莱蒙托夫研究. 北京大学出版社, 2014年9月第1版 (Гу Уюньпу. Исследования Лермонтова. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2014. 267 с.).
7. 莱蒙托夫全集. 顾蕴璞主编. 河北教育出版社, 1996年版 (Сборник сочинений Лермонтова: в 5-ти т. / гл. сост. и один из переводчиков Гу Уюньпу. Шичзячжуан: Хэбэйское издательство просвещения, 1996. Т. 1. 505 с.; Т. 2. 382 с.; Т. 3. 720 с.; Т. 5. 599 с.).
8. 郭利. 莱蒙托夫与塔尔罕内庄园. 山东友谊出版社, 2007年1月第1版 (Го Ли. Лермонтов и усадьба Тарханы. Цзинань: Шаньдунское издательство дружбы, 2007. 209 с.).
9. 何西来, “文学鉴赏中的地域文化因素”, 《文艺研究》1999年第5期第52-56页 (Хэ Силай. Регионально-культурные компоненты в исследовании литературы // Исследования литературы и искусства. 1999. № 5. С. 50-56).

THE ESTATE OF TARKHANY IN THE LIFE AND WORK OF M. YU. LERMONTOV

Guo Li

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, The People's Republic of China
aichan1968@yandex.ru

The article reveals the role of the estate of Tarkhany in the life and work of M. Yu. Lermontov. Firstly, the Central Russian nature, local traditions and customs, relatives and serfs had a great influence on the formation of a character, attitude, the conception of nature, the conception of life and the value system of Lermontov. Secondly, everything that is associated with Tarkhany is embodied in the soul of Lermontov and is represented in his work. Thirdly, Tarkhany is the source of the spiritual development of Lermontov. The subject of the study is the regional cultural and psychological originality of the creative work of M. Yu. Lermontov, conditioned by certain circumstances of the adolescent period of his life. This is the novelty of the research.

Key words and phrases: Lermontov; estate of Tarkhany; Lermontov studies; regional cultural and psychological originality; cradle; spiritual homeland.

УДК 811.161.1

В статье рассматриваются художественные особенности поэзии С. Завьялова. На материале поэм, вошедших в сборник «Советские кантаты» (2015), делается вывод о способах и приемах репрезентации авторского видения российской истории начала XX века, специфике полифонизма сборника. Изучая особенности воплощения темы трагического существования человека в условиях тоталитаризма, авторы статьи приходят к выводу об особом отношении современного поэта к советской идеологии и ее влиянии на сознание масс.

Ключевые слова и фразы: С. Завьялов; современная поэзия; поэма; специфика авторского мировидения; идеология; полифонизм; кантата; образ вождя.

Гудкова Светлана Петровна, д. филол. н., доцент

Шаронова Елена Александровна, д. филол. н., доцент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск
sveta_gud@mail.ru; sharon.ov@mail.ru

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА С. ЗАВЬЯЛОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «СОВЕТСКИЕ КАНТАТЫ»)**

На общем фоне современной отечественной поэзии весьма отчетливо выделяется творчество С. Завьялова – поэта, имеющего эрзянские корни. Долгие годы (1970-2004) он жил и работал в Петербурге, преподавал древнегреческий, латинский языки, античную литературу в петербургских вузах. В связи с преподавательской деятельностью в 2004 году поэт переехал в Финляндию, а с 2011 года живет и работает в Швейцарии. Сегодня его стихи активно печатаются в российских и зарубежных изданиях.

Примечательно, что в творчестве С. Завьялова прослеживается интерес к теме сохранения языка и культуры финно-угорских народов (эрзян, мокшан, коми, удмуртов), автор актуализирует угрозу утраты ими национальной идентичности под влиянием экспансии русской культуры [1; 4]. Эрзянский народ, родственные связи с которым явственно ощущает поэт, оказывается среди героев его творчества. Весьма показательными в этом отношении становятся лирические циклы 1990-х годов «По дороге к дому», «Мокшенэрзянь кирьговонь грамматат» («Берестяные грамоты мордвы-эрзи и мордвы-мокши»).

Своеобразным итогом творческой деятельности художника конца 1990-х годов является его поэтическая книга «Мелика» (2003). В этом издании поэт неслучайно соединяет в едином поэтическом пространстве античную и мордовскую тематику. Первая тема – это то, чему автор посвятил большую часть своей жизни (исследователь античной литературы), вторая – это своеобразный «голос крови» поэта.

Стоит заметить, что, если в ранний период творчества поэта более всего волновала судьба культурного наследия финно-угорских народов, то поздний период его творчества наполняется иными темами и мотивами. С. Завьялов обращается к осмыслению трагизма существования человека в условиях тоталитаризма. Наиболее показательно эта тема представлена в его сборнике «Советские кантаты» (2015), куда вошли три поэмы: «Старый большевик-рабочий над гробом Ленина», «Колхозница-мордовка поет песню о Сталине» и «Комсомолец-инвалид Великой Отечественной войны с книгой Николая Островского». Помещенные под одной обложкой, они формируют целостный поэтический сюжет, передающий движение катастрофы в мире людей, еще ее не осознавших. Для создания масштабности пережитого Россией в первой половине XX века писатель использует прием поэтического многоголосия. На наш взгляд, С. Завьялов, подобно Ф. М. Достоевскому, заставляет звучать множество уникальных голосов и идей, но при этом голос самого поэта так же, как и в романах-трагедиях писателя-классика, скрыт.

Помимо ориентации на классические традиции, поэт использует все многообразные средства и приемы постмодернистского письма. Он синтезирует разные виды искусств: музыку, поэзию, элементы инсталляции. Для передачи основной идеи произведения С. Завьялов компилирует цитаты из речей советских вождей, газет, фольклорных источников, книг и писем советских писателей. Особая торжественность и помпезность создается за счет «одиозной» музыки известных советских кантат и голосов хора. В связи с этим наиболее интересным нам представляется рассмотрение архитектоники завьяловских поэм, которая наиболее ярко передает авторский взгляд на советскую действительность.

Так, в первой части поэмы «Старый большевик-рабочий над гробом Ленина» звучит несколько голосов. Во-первых, это известная кантата С. С. Прокофьева (оратория 74, часть 8) «К 20-летию Октября» (1937), написанная для симфонического оркестра и двух хоров на тексты К. Маркса, В. И. Ленина и И. В. Сталина. Поэт включает цитаты из знаменитых «Шести сталинских клятв» над гробом В. И. Ленина. Во-вторых, это голос самого Ленина, представленный выдержками из его работ 1917-1920-х годов («Дрейфусиада», «О нашей революции», «Удержат ли большевики государственную власть»), и, наконец, голос старого рабочего, искренне скорбящего над гробом вождя. Полифоническое звучание поэмы, к тому же, графически маркируется. Равно как и шесть клятв И. В. Сталина, первая поэма делится на шесть небольших текстов, своеобразных куплетов. Создавая музыку для хора, автор играет со шрифтами. Каждая часть представлена в виде своеобразной музыкальной партитуры. Речь Сталина, открывающая каждую часть поэмы, воспроизведена посредством заглавных букв, которые задают торжественно-скорбящий тон поэтическому высказыванию, но в то же время она звучит отдаленно и глухо, словно из глубины веков: «УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН / ЗАВЕЩАЛ НАМ ДЕРЖАТЬ ВЫСОКО И ХРАНИТЬ В ЧИСТОТЕ / ВЕЛИКОЕ ЗВАНИЕ ЧЛЕНА ПАРТИИ. / КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, / ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ» [5, с. 7].

Отметим, что музыкальная основа текстов С. Завьялова была передана самим поэтом, его оригинальной авторской манерой чтения, на презентации книги в Санкт-Петербурге, что позволило более глубоко осмыслить ее основную поэтическую идею. Обрывочная речь Ленина, визуально представленная жирным шрифтом, венчает каждую часть поэмы. Отдельные фразы вождя революции о роли большевиков и его призывы к уничтожению капитализма поэт подает как отрывистые и взвизгивающие: «...для социализма, говорите вы, / **требуется цивилизованность...** / **очень хорошо** / **предпосылки цивилизованности – изгнание помещиков и капиталистов...**» (здесь и далее выделено автором С. Завьяловым. – С. Г., Е. Ш.) [Там же, с. 10]. Между хоровым звучанием голосов великих вождей весьма скорбно, с душевной болью и искренностью доносится голос-плач рабочего: «...в твоей кончине товарищ Ленин / начало новой жизни / мы не отдадим тебя смерти / мы не отдадим тебя времени веку капитала / ты будешь среди нас лежать не тлея / как грозное утверждение о том что / смерти нет для пролетариата / восставшего чтобы разрушить / весь мир насилия» [Там же, с. 7].

С. Завьялов намеренно не использует знаки препинания в речи-монологе рабочего, отказывается от заглавных букв в начале строчек, что подчеркивает, с одной стороны, монотонность характера плача, а с другой, – простоту и открытость народного сознания. Все представленные голоса не столько вступают в конфликт друг с другом, сколько выражают единство идеологического сознания советской эпохи.

Эта мысль подтверждается и следующими двумя поэмами, вошедшими в сборник. В них «одиозность» также подчеркивается и кантатой С. С. Прокофьева (оратория 85, часть 2), точнее – ее восьмой частью «Здравница» (1939), написанной в честь 60-летия Сталина, и ораторией Д. Д. Шостаковича «Песнь о лесах» (слова Е. А. Долматовского). Народный голос представлен песней-плачем колхозницы-мордовки и воспоминаниями комсомольца-инвалида.

Единство всем трем поэмам придают как содержательные, так и формальные признаки. Вторая поэма также включает в себя три голоса – это, как мы уже отмечали, кантата С. С. Прокофьева «Здравница», голос колхозницы-мордовки, обрывки официозных цитат на мордовском языке из советских газет, содержание которых очевидно и не требует перевода. Песня-плач о Сталине, которую исполняет мордовская колхозница, ориентирована на фольклорную традицию и сохраняет стилистику аутентичного плача на похоронах. Нслучайно в качестве документальных источников к поэме указаны произведения известной эрзянской сказительницы Ф. И. Беззубовой, а текст «Здравницы» – народный, его перевод сделан эрзянским поэтом А. Я. Дорогойченко.

В этой части языковая компиляция, прежде всего фольклорных источников, призвана передать как восторг отдельного человека, так и всего народа перед личностью И. В. Сталина. Поэт акцентирует внимание на том, что трагедия каждого (простого рабочего, потерявшего надежду; мордовки, потерявшей своих детей в голодные 1930-е годы; комсомольца, ставшего инвалидом) заслоняется восторженным преклонением перед мощью страны и безусловной верой в способность государства решить проблемы и унять боль «маленького человека».

Поясняя основную идею своих поэм, С. Завьялов отмечает: «Для меня принципиально введение на сцену не разногласных меньшинств, а гомогенного большинства, некоего советского хора. Это – рабочий (русский коммунист, начальное образование, в прошлом – Голодомор “Великого перелома”) и студент из рабочей семьи (который стал бы ИТР и членом партии ВКП(б) – КПСС, если бы не случившаяся с ним на Великой Отечественной войне катастрофа). Я их представляю не актерами, а корифеями этой трагедии» [6, с. 35].

Действительно, поэт говорит об «экстатическом безумии, объединяющем и делающем неразличимыми жертв и палачей Большого террора» [Там же, с. 38]. Голос разума отказывается понимать парадоксальность мышления «корифеев этой трагедии»: «Я уже старая мордовка / я уже больше никогда не пушусь в пляс / я уже больше никогда не рожу / Я буду до смерти работать в колхозе / я буду до смерти плакать на чужих похоронах / я буду до смерти ходить на кладбище / И буду петь песни о Тебе / потому что Ты сделал меня счастливой / потому что Ты меня утешил / потому что ты истребил злодеев / потому что ты обласкал вдов и сирот / на мордовской земле / на советской земле» [5, с. 19].

Одиночный голос простой мордовки, рассказывающей о трагедии жизни, сливается с хором обезличенной массы советских людей, восторг которых подчеркивается текстом «Здравницы» С. С. Прокофьева и венчается прославлением результатов Великой Октябрьской революции национальными газетами: «Шумбра улез / Великой Октябрьской социалистической революциясь. / Шумбра улез / Советский народось – коммунизмань строясь! / Шумбра улез / Большевиктень родной коммунистической партиясь! / Шумбра улез / Народнэнь ине вождесь СТАЛИН ялгась! / Ура СТАЛИН ялгантень слава!» [Там же].

Третья поэма «Комсомолец-инвалид Великой Отечественной войны с книгой Николая Островского» усиливает трагическое звучание «Советских кантат» и является их драматическим финалом. Это своего рода исповедь советского человека, искалеченного войной, потерявшего зрение, здоровье, любовь, но сохранившего веру в торжество идей коммунизма. Полифонизм поэмы создается за счет воспоминаний юноши-инвалида не только о своем личном прошлом, но и о прошлом отечества, в памяти которого запечатлелись страшные события начала XX века. Трагедия собственной жизни инвалида-комсомольца заслоняется мыслями о светлом будущем советской родины: «И я увидел товарища Сталина, / громящего вредителей, диверсантов, / шпионов и убийц. <...> И я увидел новые светлые дворцы для трудящихся, / утопавшие в садах. / Увидел трактора, завоевывающие колхозные поля, / что уходят за горизонт. / Увидел стальных соколов, / порояющих бездонное небо» [Там же, с. 26].

Справедливость точки зрения героя на мир подтверждается в унисон звучащим голосом Н. А. Островского. Жизнь и судьба советского юноши во многом ориентированы на судьбу знаменитого писателя. С. Завьялов компилирует выдержки из писем Н. А. Островского (уже тяжело больного) к своим друзьям, Петру Новикову и Александре Жигиревой: «**Никакому гаду и гадам / ленинских заветов не позволим ломать. / Всем тем, кто за уступки буржуазии, – дать по зубам**» [Там же].

Искренние речи представителей молодого советского поколения соединяются торжественной музыкой кантаты Д. Д. Шостаковича и патриотическим звучанием метафорического стиха Е. А. Долматовского, в котором отражается мифологический сюжет о сотворении мира. Разумеется, он переосмыслен в свете художественных задач, решаемых поэтом, поэтому новый лик земли создается благодаря реализации сталинского плана преобразования природы. Сталинская идея в поэме воплощается через включение образов пионеров с саженцами и комсомольцев с «зеленым знаменем». Образ леса, молодых деревьев символизирует расцвет коммунизма. Будущий светлый мир представлен Е. А. Долматовским как гармоничное триединство «Ленин – Сталин – Народ»: «**ВОСХОДИТ ЗАРЯ КОММУНИЗМА! / ПРАВДА С НАМИ И СЧАСТЬЕ У НАС, / ЕСЛИ Б НАШУ СВЯТУЮ ОТЧИЗНУ / МОГ ЛЕНИН УВИДЕТЬ СЕЙЧАС! / ДЕРЕВЬЯ ВСТАЮТ ВЕЛИЧАВО / ВОЗЛЕ РУССКИХ ТОРЖЕСТВЕННЫХ РЕК, / СТАЛИНУ МУДРОМУ СЛАВУ! / СЛАВА НАРОДУ НАВЕК!**» [Там же, с. 31].

«Советские кантаты» С. Завьялова – это своеобразный многоголосый хор, участником и дирижером которого становится и сам поэт. Он организует синтез голосов, их полифонию. Формального присутствия его в тексте не обнаруживается. Однако он выполняет миссию автора-творца, о которой весьма подробно писал М. М. Бахтин: «Автор должен находиться на границе создаваемого им мира как активный творец его» [2, с. 166]. По М. М. Бахтину, сущность автора-творца определяется, прежде всего, его особой позицией «внеаходимости» по отношению как к формально-содержательному единству художественного произведения, так и к той первичной реальности, отталкиваясь от которой, автор создает вымышленный им поэтический мир. В поэмах С. Завьялова авторская «внеаходимость» служит вполне определенной цели: понять советского человека, его отношение к власти и миру. Сам поэт так объясняет собственную задачу: «Я попытался прощупать то, что стоит за ликующими толпами, изображавшимися на официозных полотнах. Поэтому мои герои (кроме старого большевика, который так же экстатически скорбит) экстатически ликуют. <...> Я вижу в этом экстазе проявление героического сознания сродни тому, с которым мы сталкиваемся в гомеровском эпосе» [6, с. 38].

«Советские кантаты», однако, ориентированы не столько на гомеровский эпос, сколько на античную трагедию, где важной составляющей становится трагическое как нравственно-философская и эстетическая категория. Современный поэт также заостряет внимание на значении судьбы, рока, перед которыми должен смиряться советский человек. Катарсис как неотъемлемый элемент античной трагедии создается С. Завьяловым

за счет возвышенной музыки и текстов советских кантат. Поэтическая версификация, к которой прибегает автор, является важнейшим средством раскрытия авторского отношения к истории России начала XX века.

Таким образом, С. Завьялов, вдохновленный музыкой С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича, пытается осмыслить трагическую историю советского народа. Скрепляя все три поэмы образом И. В. Сталина, автор тем самым подчеркивает, что «это травма миллионов», которая привела к деформации человеческого сознания. Используя приемы постмодернистского письма: компиляцию «чужой речи», монтаж документальных источников, синтез разных видов искусств, – С. Завьялов передает глубокую боль и за человека, получившего «исторические травмы», и за их последствия. Поэт у С. Завьялова не сторонний наблюдатель, но гражданин, подобно миллионам советских людей, несущий ответственность за прошлое, настоящее и будущее России.

Список источников

1. Арзамазов А. А. Современное удмуртское литературоведение: моделирование исследовательских стратегий поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 20-23.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Вишневицкий И. Г. Между поэзией и прозой [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/3/mezhdru-poeziej-i-prozoj.html> (дата обращения: 21.10.2017).
4. Гудкова С. П. «Мордовский пласт» в поэтическом тексте С. Завьялова: практика интеграции финно-угорского литературного материала в лирических циклах 1990-х годов // Вестник Мордовского университета. 2011. № 1. С. 155-159.
5. Завьялов С. Советские кантаты. СПб.: Транслит, 2015. 43 с.
6. Корчагин К. Нет такого дискурса, который был бы адекватен катастрофе: интервью с С. Завьяловым // Завьялов С. Советские кантаты. СПб.: Транслит, 2015. С. 33-42.
7. Осьмухина О. Ю. «Вторичный сюжет человеческой трагикомедии»: авторская стратегия прозы Евг. Попова. Саранск: Изд-во Мордовского гос. ун-та, 2016. 230 с.
8. Шаронова Е. А., Абашева Д. В. и др. Образ народной культуры в литературе. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т, 2016. 204 с.

**ARTISTIC ORIGINALITY OF S. ZAVYALOV'S CREATIVE WORK
(BY THE MATERIAL OF POETICAL COLLECTION "SOVIET CANTATAS")**

Gudkova Svetlana Petrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Sharonova Elena Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
sveta_gud@mail.ru; sharon.ov@mail.ru

The article considers the artistic peculiarities of S. Zavyalov's poetry. By the material of the poems included in the collection "Soviet Cantatas" (2015) the paper examines the means and techniques to represent author's vision of Russian history of the beginning of the XX century, analyzes the specificity of poetry polyphonicism. Studying the peculiarities of implementing the theme of human's tragic existence under conditions of totalitarianism, the authors conclude on special attitude of the modern poet to the Soviet ideology and its influence on mass consciousness.

Key words and phrases: S. Zavyalov; modern poetry; poem; specificity of author's worldview; ideology; polyphonicism; cantata; leader's image.

УДК 398.4

В работе рассматриваются представления о духах-хозяевах освоенного пространства в традиции татар-мишарей Дрожжановского района Республики Татарстан как системе мифологических персонажей и их функций. Мифологический персонаж в данном случае понимается как пучок функций, скрепленный именем. В ходе исследования выявляются номинации персонажей «хозяин дома» и «хозяин хлева», представления об их внешнем облике, месте и времени появления, функциях и действиях человека по отношению к ним. Автор приходит к выводу, что для данной локальной традиции характерной является расчлененная форма духов-хозяев освоенного пространства, отличная от общей традиции татар-мишарей, для которых свойственно представление о едином хозяине двора.

Ключевые слова и фразы: демонология; персонаж; функция; имя; духи-хозяева.

Давлетшина Лейла Хасановна, к. филол. н.
Республиканский центр развития традиционной культуры, г. Казань
leyla.davletshina@yandex.ru

**ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ ТАТАР-МИШАРЕЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
ДУХИ-ХОЗЯЕВА ОСВОЕННОГО ПРОСТРАНСТВА**

Верования татар-мишарей привлекают к себе внимание исследователей уже на протяжении нескольких столетий. В XIX – начале XX века обрядовая культура, языковые особенности и история формирования